

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2024. № 3 (105).
Political Linguistics. 2024. No 3 (105).

УДК 821.161.1-182(Летов Е.)
 ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,45

ГРНТИ 17.07.65; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Вероника Юлдашевна Грушевская

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, v.iu.grushevskaja@urfu.ru, SPIN-код: 5238-8660

Помни имя свое: опыт преодоления кризиса идентичности в творчестве Егора Летова 1993–2007 гг.

АННОТАЦИЯ. В работе анализируются особенности проработки «я-концепции» в творчестве Егора Летова. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью систематизации массива научных работ, посвященных летовскому творчеству, важностью исследования нарративов и художественных практик в период социально-политических кризисов, а также сложившейся в культуре ситуацией: в условиях цифровой коммуникации, когда стираются границы между подлинным и неподлинным и трансформируется сама субъектность, исследование аутентичности и взаимодействия художественных практик с внутренней реальностью личности вызывает особый исследовательский интерес. Целью статьи является анализ сюжета преодоления кризиса идентичности на материале песен и интервью Егора Летова 1993–2007 годов. Структурно-функциональный и дискурсивный методы анализа позволяют соотнести идейно-художественные доминанты творчества Егора Летова с контекстуальными и интенциональными факторами: гражданской позицией, особенностями мироощущения автора, влиянием социально-политического и культурного контекста. В работе прослеживается конфликт между стремлением личности к подлинности и процессами деформации и дегуманизации культуры. Выявляется способность художественных практик Егора Летова объединять автора и аудиторию в едином дискурсивном пространстве вокруг общего опыта преодоления экзистенциального и культурного кризиса. Работа носит междисциплинарный характер, представлены подходы к анализу дискурсивных практик, используемые в социологии, психологии и психолингвистике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Егор Летов, рок-поэзия, сибирский панк-рок, русский авангард, аутентичность, коллективная травма, художественная практика, культурная идентичность, поэтическое творчество, поэтические тексты, песни.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Грушевская Вероника Юлдашевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет; 620063, Россия, Екатеринбург, ул. Чапаева, 16, каб. 204; email: v.iu.grushevskaja@urfu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Грушевская, В. Ю. Помни имя свое: опыт преодоления кризиса идентичности в творчестве Егора Летова 1993–2007 гг. / В. Ю. Грушевская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — С. 159-167.

Veronika Yu. Grushevskaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia,
 v.iu.grushevskaja@urfu.ru, SPIN: 5238-8660

Remember Your Name: An Experience of Overcoming Identity Crisis in the Creative Activity of E. Letov in 1993–2007

ABSTRACT. The article analyzes the specific features of the elaboration of the "I-concept" in the creative activity of Egor Letov. The urgency of the research topic can be explained by the need to systematize the array of scientific works devoted to Letov's creative activity, the importance of studying narratives and artistic practices during socio-political crises, as well as the current situation in the culture: in the situation of digital communication, when the boundaries between the authentic and the non-authentic are blurred and the subjectness itself is transformed, investigation of authenticity and interaction of artistic practices with the inner essence of the personality is of particular research interest. The aim of the article is to analyze the plot of overcoming an identity crisis on the basis of the material of Letov's lyrics and interviews from 1993 to 2007. The structural-functional and discursive methods of analysis allow the author to correlate the ideological and artistic dominants of Letov's creative activity with the contextual and intentional factors: the civil position, the peculiarities of the author's worldview, the influence of the socio-political and cultural context. The work traces the conflict between the individual's desire for authenticity and the processes of deformation and dehumanization of culture. The author reveals the ability of Letov's artistic practices to unite the author and the audience in a single discursive space around the common experience of overcoming an existential and cultural crisis. The work is interdisciplinary in nature and presents the approaches to the analysis of discursive practices used in sociology, psychology and psycholinguistics.

KEYWORDS: Egor Letov, rock poetry, Siberian punk rock, Russian avant-garde, authenticity, collective trauma, artistic practice, cultural identity, poetic creative activity, poetic texts, songs.

AUTHOR'S INFORMATION: *Grushevskaya Veronika Yuldashevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Grushevskaya V. Yu. (2024). Remember Your Name: An Experience of Overcoming Identity Crisis in the Creative Activity of E. Letov in 1993–2007. In Political Linguistics. No 3 (105), pp. 159–167. (In Russ.).*

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, к моменту 60-летия Егора Летова и 40-летия группы «Гражданская оборона» накоплен значительный массив научных работ, посвященных летовскому творчеству, и этот материал нуждается в систематизации. Во-вторых, сохраняют актуальность исследования нарративов и художественных практик в период социально-политических кризисов. В-третьих, в условиях цифровой коммуникации, когда стираются границы между подлинным и неподлинным и трансформируется сама субъектность, исследование аутентичности и взаимодействия художественных практик с внутренней реальностью личности вызывает особый исследовательский интерес.

В 90-е годы творческие проекты Егора Летова уже получили народное признание. Его альбомы распространялись на магнитофонных кассетах, песни звучали на улицах, а концертные площадки были переполнены. Лидеру сибирского панк-рока удалось сформировать независимое творческое пространство и канал контакта с аудиторией, работающий, как бы сейчас определили, по «вирусному» принципу.

В 1993 году Егор Летов участвует в создании молодежного движения «Русский прорыв» и проводит с единомышленниками ряд акций: выступление у осажденного дома Советов (октябрь 1993), на Первомайском митинге у МГУ, рок-акцию «Русский прорыв» (май 1994). Открытая политическая позиция Егора Летова, отстаивающего свои коммунистические и патриотические убеждения в многочисленных публичных выступлениях и творческих проектах, оказалась неожиданной для той части аудитории, которая интерпретировала летовский антагонизм ранних этапов как антисоветскую риторику. Сам же автор объяснял, что в ранние годы воевал с «дисциплинарно-санаторным» режимом не ради «демократии» и капитализма, а «ради торжества истинных коммунистических идеалов, которые в последние годы Советской власти были дискредитированы» [Летов 1995]. Такое высказывание, хотя и содержит значительную долю эпатажа, тем не менее, вполне укладывается в параметры летовского художественно-эстетического идеала, проявившегося уже в 80-е годы.

Исследованию мировоззренческих доминант творчества Егора Летова посвящен целый ряд академических работ. Ю. В. Доманский описывает выраженное посредством «формульной поэтики» авторское мироощущение, в котором взаимоисключающие крайности сливаются в синкретическое единство [Доманский 2018: 84]. А. Н. Черняков, Т. В. Цвигун анализируют особую позицию лирического «Я» — одновременно самоутверждающуюся и трансцендентную, находящуюся в постоянном утверждении-преодолении [Черняков, Цвигун 2017: 63]. Объектом исследования Н. Ю. Лётина является автобиографический миф «метафизического панк-рокера», собранный из высказываний поэта о себе в средствах массовой коммуникации, непосредственно в творчестве автора и эстетически значимых элементах биографии, имевших широкий общественный резонанс [Лётин 2011]. З. Г. Станкович рассматривает саморефлексию лирического субъекта Егора Летова как народного рок-поэта [Станкович 2019]. Внимание целого ряда исследователей привлекает экзистенциальная проблематика творчества: мотив одиночества, нереализуемое стремление выйти за границы пространства и времени, желанное и недоступное пространство дома, категория смерти, концепт пути, концепт войны, миф экзистенциальной мобилизации, религиозный и эсхатологический код.

Философско-эстетический идеал Егора Летова уже в 1985–1993 годы проявился как стремление к раскрытию подлинного «я». Ценность глубинного внутреннего начала, которое «ушами не услышать, мозгами не понять» [Летов 2018: 284], является важнейшей составляющей раннего творчества. Для автора «постоянное ожидающее присутствие истинного, родного начала, существующего параллельно всей этой дешевой бутафории» [Летов 2001а], опыты самонаблюдения и аутентичного бытия становятся творческим импульсом. При экзистенциальном прочтении экспрессивно-гротескная образность «пластмассового мира» — это не столько прием осмеяния социальной реальности, сколько форма отторжения пустоты поверхностного существования. Прочь от бутафорской реальности бегут летовские искатели подлинности: Маленький принц, Плюшевый Мишутка, слепой Ивашка, ходящий по миру в поисках невыразимого Дурачок.

Егору Летову важно создать в альбомах и живых выступлениях то, что Т. Н. Рымарь определяет как «эффект аутентичности» — интерактивное взаимодействие «всех трех участников эстетического события — автора, героя и читателя» [Рымарь 2013: 22]. Аутентичное искусство также предполагает принципиальную независимость автора и особую форму автокоммуникации [Клюкина 2020], обращенной к глубинам собственного «я». Совокупность летовских выступлений, альбомов и интервью также продуктивно рассматривать, опираясь на предложенную В. А. Кленовской концепцию «арт-практик» — форм проявления субъектности, которые являются актом философствования [Кленовская 2023: 26], а также художественными формами «воплощения идей и концепций философствования» [Кленовская 2023: 157].

Многие выделенные В. А. Кленовской признаки арт-практик (экспериментальный характер, принцип коллажа, интермедийность, интерпретативность, принцип действительности, коммуникативность, приватизация публичного пространства, перформативность) можно обнаружить в творчестве Егора Летова. Автор особое внимание обращает на нацеленность арт-практик на самопостижение, самотрансформацию и выход на новый глубинный уровень аутентичности: «Арт-практики дают возможность человеку использовать поэтический ресурс, который возвращает человеку целостность средствами интерпретации, что, в свою очередь, позволяет обрести онтологическую связь с миром» [Кленовская 2023: 161]. Именно в этом ключе Егор Летов описывал свои творческие задачи: *«Ведь, по большому счету, я не совсем музыкант, для меня это вынужденная творческая форма контакта с массами, потому что поэзия у нас не в чести. А я прежде всего занимаюсь разработкой слова, экспериментами над словом, психологией и философией, воплощенными в слове»* [Летов 2001b].

Проблема аутентичного существования занимает важное место в системе ценностей второй половины XX века, в русле которой развивается философия, психология и искусство. Аутентичность в философии Хайдеггера связана со свободой самоопределения. Примером постановки проблем самосознания, самодетерминации, назначения человека и смысла жизни в рамках марксистской антропологии является работа философа и культуролога В. С. Библера «Самостоянье человека. Предметная деятельность в концепции Маркса и самодетерминация индивида», в которой внутренние парадоксы самодетерминации анализируются как логи-

ческая идеализация, которая могла бы быть осуществима «лишь при определенных социальных условиях, на основе ликвидации „отчужденного труда“» [Библер 1993: 83]. В контексте психологии аутентичность понимается как способность личности познать истинные собственные потребности и возможности, стать идентичной самой себе и обрести «человеческую подлинность», предполагающую «верность своей собственной личности и приобретенным принципам, которые вносят смысл и гармонию в нашу жизнь» [Дериси 2008: 21]. Отечественная психология бытия (З. И. Рябкина, Ю. В. Сорокина, М. В. Рагулина) и гуманистически ориентированная психология (Д. А. Леонтьев, Л. Я. Дорфман, Е. Осин), опираясь отчасти на теории гуманистической психологии (К. Роджерс, А. Маслоу, С. Мадди) и психологии самосознания (У. Джеймс, З. Фрейд, К.-Г. Юнг, И. С. Кон, В. С. Мерлин, И. В. Чеснокова, В. В. Столин), отчасти на «субъектный подход, уходящий корнями в марксистско-ленинскую парадигму, ассоциирует аутентичность, в основном, с творческими самостоятельными преобразованиями своего бытия и бытия окружающих людей как особым, аутентичным, способом бытия личности» [Альперович 2008: 38]. Концепция аутентичности становится жизнетворческой и художественной практикой, давшей импульс развития молодежным субкультурам. В работе «Панк в России: краткая история эволюции» [Гололобов 2016: 29–30] феномен панка рассматривается как культура, основанная на принципах аутентичности. Д. А. Литвина определяет аутентичность как некоторое «качество (суб)культуры, которое делает ее „подлинной“», а также характеристику, которая помогает очертить круг «настоящих» участников движения от «позеров», вслепую следующих трендам [Литвина 2019: 326]. Е. С. Шерстнёва отмечает влияние на летовское творчество психоделической музыки 60-х [Шерстнёва 2014: 263–264], идейной основой которой также являлось исследование тайн внутреннего мира.

Для понимания ключевого конфликта летовского творчества этого периода также продуктивно использовать психологический и социологический подходы, интерпретирующие культурные репрезентации травмы. Психологический подход описывает эффект проговаривания травматического опыта и спонтанного выражения чувств, которое ложится в основу целого ряда культурных и терапевтических практик, основанных на катарсисе [Александров 2011]. В работах, посвященных проблемам самокатегоризации и социальной идентичности, подчеркивается

значимость социальной идентичности как одной из важнейших составляющих я-образа и рассматривается кризис идентичности как «особая ситуация массового сознания (и... сознания отдельного индивида), когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определял себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность» [Альперович 2008: 35].

Социолог П. Штомпка [Штомпка 2001] соотнес понятие травмы с социальным организмом и описал деструктивное влияние шока, связанного с резким изменением систем семантики и ценностей. Социологический подход изучает «коллективную травму» как событие, которое затрагивает все общество и воспринимается угрозой для коллективной идентичности [Александр 2013: 255]. Травма, оформленная в публичных дискурсах и используемая в качестве маркера, изучается как культурная травма. Термин «культурная травма» также относят к потере смысла или к удару по культурным ценностям, разделяемым группой. О. А. Добрынина выделяет угрозу культурной идентичности как особый аспект травмы, «понимаемой как тождественность человека или социума самим себе, непрерывности прошлого, настоящего и планируемого будущего, риск утраты чувства согласованности и смысла исторического пути сообщества и жизненного пути человека в нем». Такая травма «задевает глубинное ядро идентичности — ценности, убеждения, верования и выражающие их символы» [Добрынина 2019: 82].

При интеграции аналитики травмы в эстетический дискурс обнаруживается особый тип текста — «терапевтическое письмо», где «автор ставит перед собой задачу создать пространство диалога между читателем и текстом для того, чтобы читатель имел возможность экспроприировать язык дискурса травмы и в этом диалоге испытать терапевтическое воздействие» [Фокеева 2020: 16]. Катарсис, возникающий при восприятии таких произведений, выступает художественным проявлением кризиса, за которым следует разрешение внутренних конфликтов, очищение и оздоровление. Эффект аутентичности позволяет объединить автора и аудиторию в едином дискурсивном пространстве, в котором каждый участник может присвоить эстетически проявленный опыт прохождения кризиса.

Для самого Егора Летова катарсическое начало в творчестве — это не просто эстетический эффект, но и практика восстановления целостности: «Творчество — это как бы акт очищения, путь домой, через стра-

дание, через расхлёбывание всей этой чудовищной грязи, всей этой патологии. Через это преодоление возникает... ПРО-РЫВ. Как озарение» [Летов 1991: 11–12].

Цель данной статьи — проанализировать сюжет преодоления кризиса идентичности в творчестве Егора Летова 1993–2007 годов. Работа носит междисциплинарный характер, представлены подходы к анализу дискурсивных и художественных практик, используемые в филологии, социологии, психологии, психолингвистике.

Трансформация ценностей российского общества в 90-е годы Егором Летовым была воспринята как экзистенциальная катастрофа: «Мы здесь отстаиваем некие ценности перед огромной вселенной, бесчеловечной, бесчувственной, безжалостной». «Сейчас мы проигрываем на всех фронтах. На Западе уже живых не осталось. ...Сейчас нас теснят в родном доме. ... Единственное, что мы можем, — удержать наш фронт, где мы пока терпим поражение за поражением» [Летов 1995].

Шоковая образность изначально использовалась Егором Летовым как прием, направленный против отстраненности, равнодушия и автоматизма восприятия авторского высказывания. И. А. Шадрихина отмечает, что у Летова «лечение равнодушия через боль и отвращение направлено на достижение катарсиса» [Шадрихина 2014: 52]. Составляя композицию из фрагментов интервью Егора Летова, Д. Аграновский охарактеризовал творчество начала 90-х как «крик убиваемой советской культуры — так кричит живое существо, попавшее в кислоту» [Летов 1995].

После 1993 года основой внутреннего конфликта лирического героя становится переживание кризиса идентичности. В песне «Победа» (1993), посвященной защитникам Дома Советов, лирический герой обнаруживает, насколько значимой частью личности была разрушающаяся социальная идентичность: «Стать бы во весь рост — да нету больше ног / Сжать ладонь в кулак — да нечего сжимать / Нету больше слов, нету больше нас / Лишь одно осталось на свете — Победа» [Летов 2018: 350].

В песне «Новый день» (1994) характерная монтажная склейка синтаксических структур в единый образ включает метафоры утраты жизненных ориентиров: «шальные искры канули в золь / на моей земле пахнет горечью», «костры и звезды вымокли дотла», «пути-дорожки скомканы во мгле», образы распада «алые ручьи, палые грачи, стоптанная грязь»; искажения прошлого, разрушения настоящего и утраты бу-

дущего: «запретная быль, бетонная пыль, проданная даль» [Летов 2018: 411].

В композиции «Нечего терять» (1995) эмотивная лексика травмы (тошнота, тревога) переплетается с метафорами опустошенности: «Скользким узелком дорога затянулась, сорвалась / Лето, тошнота, тревога разразилась, улеглась / Гордая свеча погасла — новой так и не зажглось / Слишком рано, чтобы просыпаться, слишком поздно, чтобы спать / Нечего терять» [Летов 2018: 425]. Структурной основой композиции «На той стороне» (2002) становится образ лишённого связности и непрерывности времени. С помощью синтаксического параллелизма образ дня собирается из случайных цветовых, болевых и экзистенциальных признаков: «Белый белый понедельник — всегда последний день / Молодой зелёный вторник — раскалённо-ясный день / Желтоватая среда — бессвязный воспалённый день / Фиолетовый четверг — такой озорный вечный день» [Летов 2018: 485].

В данных текстах присутствует характерный для летовской поэтики сдвиг признаков относительно слов, включённых в одно семантическое поле. В работе О. Р. Темиршиной эта особенность определяется проявлением установки на самоадресацию, наряду с такими признаками внутренней речи, как смысловые «зияния», неполный перевод образного материала в слово, пространственно-образное смещение, склейка синтаксических структур, не до конца развернутые словосочетания. Такая неполнота характерна для внутреннего монолога и связана с непроговариванием некоторых очевидных самому автору элементов высказывания, а также стремлением в едином образе передать целостное впечатление без логического разделения объектов [Темиршина 2022].

Разработанная Егором Летовым система выразительных средств, включающая поэтику внутренней речи, особенности звучания (напряжённый тон, звуковые и вокальные артефакты, характерные крики в сочетании с нарочито «грязным» звучанием и «гаражным» звуком), свойственной психоделической музыке композиции (коллажная структура, манипуляции с записью, репетитивность), позволяет выстраивать художественные практики вокруг проблем подлинности и самоосуществления личности. В период 1993–1997 годов на первый план выходит социально-политический аспект и летовское творчество оказывается способно выразить коллективный опыт кризиса социальной идентичности.

Активность жизнетворческой позиции не позволяет автору ограничиваться погруже-

нием в травматический аспект происходящего. Во многих композициях образам распада противопоставлены позитивные формулы-повторения. Например, в песне «На той стороне» рефреном звучит надежда на восстановление целостности: «Но мы очнемся на другом берегу / И может быть вспомним» [Летов 2018: 485]; а в песне «Чужое» (2002) — способность оставаться собой провозглашается последним рубежом духовной обороны: «Только помни имя своё / Единственное имя своё / Настоящее имя своё / Подлинное имя своё / Истинное имя своё» [Летов 2009: 113].

Такие синтаксически упорядоченные параллельные конструкции летовских текстов Е. С. Шерстнёвой соотносятся с матричными структурами «мантр и текстов, сопровождающих медитативные практики», а также с заговорами. Автор выявляет в тексте «Невыносимая лёгкость бытия» особый «заговорный локус, где происходит пересечение миров» [Шерстнёва 2014: 266].

В песне «Еще немного» (1994) характерная для заговора императивная часть-заклинание соединяет формулы избавления от боли и смерти: «Прикажу я ране — затянись, / Озорная пуля — промахнись» и формулы духовного преображения: «Загорятся крылья на ветру / Повторятся сказки наяву / Живые ливни брызнут нам в глаза / Земные боги выйдут нам навстречу» [Летов 2018: 410].

Заговорный императив в летовских текстах — это приоткрытая дверь в сакральное пространство, идеальный мир, преодолевший кризис. Поэтому в летовских песнях суггестивные образы экзистенциальной дезадаптации сменяются формулами преодоления: «Будет новый день / Ясный светлый день» [Летов 2018: 411]; «От родной земли до седьмых небес / Яростно и звонко звучало: Победа!» [Летов 2018: 350], «Вижу — поднимается с колен моя Родина!»

Анализируя летовские формулы жизнестойкости, нельзя не учитывать амбивалентность летовской поэтики, парадоксальным образом соединяющей иронию и утверждение. Ю. В. Доманский, вводя термин «формульная поэтика», отмечает, что при повторах формулы обесмысливаются, «но в этом обесмысливании могут обретать смыслы новые, прежде этим формулам неведомые» [Доманский 2018: 12]. М. В. Колесник, анализируя особенности дискурсивной позиции сибирского панка, обнаруживает ее родство с древнерусским «антиповедением» юродивых и эпатажем авангарда [Колесник 2018]. И. А. Шадрихина отмечает, что идея борьбы как абсурдной, утопичной,

но единственно возможной формы существования экзистенциалиста Летова близка к философии абсурда Камю [Шадрихина 2014: 52]. В культурном контексте эпохи Егор Летов отталкивается от практик демифологизации политических лозунгов, характерных для соц-арта и концептуализма. С. С. Жогов показывает, как артефакты советского искусства становятся органической частью созданной Летовым эстетической и поэтической системы [Жогов 2001: 198].

Существует авторский комментарий, касающийся обстоятельств создания песни «Родина»: *«Это одна из самых трагических песен, которые я сочинил. Песня про то, как поднимается с колен родина, которой, собственно говоря, и нет... И при этом петь о том, как родина подымается, — это очень мощно»* [Летов 2004].

Мы видим, как дискурсивная двойственность становится основой внутреннего конфликта. С одной стороны, очевидная абсурдность формулы является неотъемлемой частью художественной выразительности, с другой стороны, эта абсурдность переживается трагически, а синтаксическая структура заговора, эмоциональность исполнения и трансовая музыкальная монотонность оказываются способами кодирования интенции преодоления, заново наполняющими лозунг личностно значимым содержанием.

Эта двойственность распространяется и на цитатность летовских текстов. Анализируя летовское обращение с цитатами, исследователи наряду с проявлениями концептуалистского метода, работающего с бессмысленностью идеологических клише, обнаруживают «откровенное любование материалом», особую летовскую стратегию, в которой безличный текст советских песен обретает своего автора в исполнителе [Жогов 2001: 198], «экстатическое» функционирование центральных советских мифологем [Шерстнёва 2014: 267–268], «переприсвоение» советского дискурса [Корчинский 2016].

Летовское погружение в глубины индивидуального сознания неизбежно приводит к обнаружению культурных моделей и структур, заложенных в детстве. Социологические концепции базовой личности, культурного кода или культурной идентичности описывают связи, устанавливающиеся между структурой личности и содержательным ядром культуры — совокупностью идеалов и образцов поведения, значимых для понимания своего «я», общих у людей, выросших в

одной культуре. В летовские стилизации внутренней речи вплетается голос «базовой личности», собранный из произведений детской литературы: *«Ещё немного — эх! — ещё чуть-чуть / Лишь только б ночку простоять да день продержаться»* [Летов 2018: 410] (А. Гайдар. «Сказка про военную тайну, Мальчиша-Кибальчиша и его твердое слово») — или популярных советских песен: *«Шальные искры канули в золе / На моей земле пахнет горечью»* [Летов 2018: 411] (отсылка к песне на стихи Р. Рождественского «За того парня»). К летовским формам обращения к культурному коду также можно отнести многочисленные фольклорные и мифопоэтические элементы: заговорные синтаксические структуры, стилистику загадки, христианскую образность.

Характерным примером присвоения советского дискурса является авторское осмысление концепта коммунизма: *«Не обязательно, будет светлое будущее или не будет, дело в том, что нужно пытаться просто... Для меня коммунизм — это система ценностей боевых, воинских, это постоянное преодоление среды, стихии, чего угодно»* [Летов 1995].

Примером осознанного обращения к культуре, сформировавшей детские и юношеские идеалы, становится альбом кавер-версий песен 60–70-х годов «Звездапад» (2002): *«Это родственные, во многих из которых меня как личности больше чем в собственных, песни»*¹. В летовской интерпретации версий «Красный конь» и «Город детства», «На дальней станции сойду» летовский вокал и контекстуальный контраст усиливают драматизм исполняемого материала. Характерная манера исполнения позволяет пересобрать в единое и наполненное личностно значимыми смыслами целое космическую фантастику «Звездапада», приключенческую романтику «Каравеллы» и «Белого безмолвия», сказочность песни «Солнце взойдет», народное звучание баллады «GREENFIELDS»/ «Город детства», положенной на стихи Роберта Рождественского, — всю заложенную в детстве совокупность идеализированных представлений о будущем и человеческом призвании.

В альбоме «Звездапад» через исполнение услышанных в детстве песен осуществляется присвоение культурных пластов и активация культурной идентичности. Обнаруживается связь летовских формул преодоления с их структурными особенностями:

¹ Летов, Е. Ответы на вопросы посетителей официального сайта Гражданской Обороны, 23.02.06 // Гражданская оборона. Официальный сайт группы. — 2006. — URL: <https://www.gr-oborona.ru/pub/offline/1140696028.html> (дата обращения: 12.04.2024) — Текст : электронный.

«Это к счастью, друзья говорят», «Ночь пройдёт, наступит утро ясное, / Знаю, счастье нас с тобой ждёт». Философские строки Веры Матвеевой «Беды не тают, а дни улетают, но где-то надежда машет рукой» и стихи Григория Поженяна «Следы — это только то, что осталось, / Но всё остается с тобою навеки... / А тебе уже ничего не страшно» органично вплетаются в контекст летовской образности самоосуществления и жизнестойкости. В этом альбоме, так же как и во всем творчестве, заметное место занимает военная тематика: «Песня красноармейца» и «Шла война» Булата Окуджавы, «Песня о циркаче» и «Слово „Товарищ“» Михаила Анчарова, «На всю оставшуюся жизнь» Бориса Вахтина и Петра Фоменко.

В научной литературе существуют разные подходы к интерпретации летовской военной образности. С одной стороны, И. А. Шадрихина рассматривает обращение к концепту войны как поэтический прием шока, направленный против автоматизма. Автор отмечает, что для Летова война — это способ прорыва тотальной детерминированности, «единственно возможная форма существования, позволяющая оставаться собой, способ преодоления себя самого и мира» [Шадрихина 2014: 52]. С другой стороны, А. В. Корчинский обращает внимание на экзистенциальное переживание военной травмы: «именно возвращение историзма советскому военному мифу, выявление в нем травматического и даже катастрофического начал делает его в пределе общенациональным» [Корчинский 2016: 259]. Автор разделяет протестно-боевую и виктимно-травматическую ипостаси военной образности и отмечает, как советский военный миф наделяется чертами вселенской священной битвы.

Действительно, в песнях «Пой, революция!» (1994) и «Солнцеворот» (1996) обнаруживается способность летовской военной образности выступать символическим отображением экзистенциальной борьбы, усиления, прорыва, постоянного преодоления: «В поле дождик бродил живой / Ковылял по щекам ледяным / Поднимал в последний неравный бой / Тех, кто погиб молодым» [Летов 2018: 402]; «Наше дело пропащее, словно палец / Оторванный вражеской пулей / На священной народной войне / Слово санный след / Слово смертный бог / В мире без греха» [Летов 2018: 438].

Парадоксальность летовской поэтики обретает смысл в контексте экзистенциальной теории кризиса — чем сильнее внешнее давление, тем яснее осознается ценность невыразимой в обычных условиях подлинности и сильнее импульс к самопознанию:

«Чем гуще сумрак — тем светлей в бою / Чем темнее ночь — тем скорей рассвет» (Новый день, 1994) [Летов 2018: 411], «Радуга над боем, / Радуга над бездной, / Радуга над кладбищем... / Негасимый апрель» (Забота у нас такая, 1995) [Летов 2018: 435].

Пара «кризис — преобразование» становится основой четырнадцатиминутной композиции «Невыносимая легкость бытия» (1996), которая практически целиком состоит из перечня характерных для внутренней речи «склеек» двух граней психической реальности в единый образ: «Какая боль — Такая радуга / Да будет свят господь распят», «Звезда чадит, звезда поёт, звезда горит», «На израненной ладони сохнет дорожник / А в разорванной глотке зреет / Невыносимая лёгкость бытия» [Летов 2018: 452].

В поздней лирике можно обнаружить возвращение к проблемам аутентичности, но теперь авторская «я-концепция» существенно усложняется. Композиция «Вселенская большая любовь» (2002) выстроена как совокупность предположений, с помощью которых лирический герой пытается определить природу человеческой подлинности: это и обретаемая «при вскрытии» душа, и социальный аспект идентичности, выраженный как причастность к «безостановочному народу», «оскаленной цепи бессмертных и живых», и праздничная непосредственность детского восприятия «внутри зеркально-новогоднего фонарика» [Летов 2018: 483]. Рефреном и названием композиции становится формула, объединяющая все перечисляемые грани подлинности в единое целое.

В песне «Колыбельная (Сияние)» (2005) актуализируется общность некоторых форм колыбельной и заговора. В эпической части анафора создает сакральное светлое пространство желанного покоя, объявляющего весь мир. Здесь большое соседствует с малым: «Спят планеты и яблоки», внешнее с внутренним, боль с радостью: «Спят тревоги и радуги». Императивная часть содержит «заклинание» обретения цельности и восстановления внутренней гармонии: «Но сиянье обрушится вниз / Станет твоей судьбой», «станет твоей душой», «станет твоей землей», и, наконец, «станет самим тобой» [Летов 2018: 519].

В песне «Кто-то другой» (2005) самоирония соединяется с символикой духовного возрождения. Действие происходит во внутреннем сакральном пространстве: «в зеркальном сне», «в земном бреду». Произведение насыщено образами отражений — поэтическими метафорами самонаблюдения: «Я иду по весенней воде», «по речному

льду», «...мне в ответ / В тишине улыбается кто-то». Образ духовного возрождения усиливается символами роста: «И грибы растут / И сады цветут», покоя (тишина, чистые небеса), гармонии с миром (звезды в моей бороде), жизненной энергии, преодоление опыта безмолвия: «На коне я лечу / песни звонкие грозно кричу». Обретение контакта в подлинным «я» в финале выражено как встреча и пробуждение: «И ко мне приближается что-то / А живым зерном / Безмянным днём / Просыпается кто-то другой» [Летов 2018: 507].

В песне «Без меня» (2002) убегающий из-под ног лирического героя мир уже не чужой, он наполнен смыслами, ценностями и жизнью: «Без меня — сирень, / без меня — герань / Без меня моя тень, / Без меня — поздравления оттуда сюда» [Летов 2018: 479].

Таким образом, совокупность художественных средств, включающая поэтику внутренней речи, эмоциональную окраску исполнения, психоделичность музыкальных композиций, интернациональные, контекстуальные и имиджевые особенности летовского творчества, синтезируется в многогранное единство, структурной основой которого является философский идеал и художественный эффект аутентичности. Конфликт между стремлением к подлинности и процессами деформации и дегуманизации культуры определил специфику идейно-художественного содержания летовского творчества 1993–2007 годов. В этот период художественные практики Егора Летова объединяют автора и аудиторию в едином дискурсивном пространстве вокруг общего опыта переживания и преодоления экзистенциального и культурного кризиса.

ИСТОЧНИКИ

1. Летов, Е. Егор Летов: «На Западе живых уже не осталось...» / Е. Летов. — Текст : непосредственный // Правда. — 1995. — 04.19 (№ 72).
2. Летов, Е. Егор Летов: 200 лет одиночества / Е. Летов. — Текст : непосредственный // Контр Культ Ур'а . — 1991. — № 3. — С. 7–13.
3. Летов, Е. Егор Летов: Рок — это дело проигравшее / Е. Летов. — Текст : непосредственный // НАШ. — 2001b. — № 1–2.
4. Летов, Е. Егор Летов: Русский Прорыв / Е. Летов ; составитель Д. Аграновский. — Текст : непосредственный // Советская Россия. — 1995. — 7.12. (№ 145).
5. Летов, Е. Жизнь Как Чудо / Е. Летов ; беседовал М. Семеляк. — Текст : непосредственный // Афиша. — 2004. — 3.10 (№ 17 (37)). — С. 34–40.
6. Летов, Е. Автографы. Черновые и белые рукописи / Е. Летов. — Новосибирск : Культурное наследие, 2009. — 192 с. — Текст : непосредственный.
7. Летов, Е. Егор Летов: Приятного аппетита! / Е. Летов. — Текст : непосредственный // Егор Летов. Я не верю в анархию. — М. : Скит Интернешнл, 2001a. — № 3. — С. 75–87.
8. Летов, Е. Стихи / Е. Летов. — Москва : Выргород, 2018. — 548 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александер, Д. Смыслы социальной жизни: культуросоциология / Д. Александер. — Москва : Праксис, 2013. — 640 с. — Текст : непосредственный.
2. Александров, А. А. Аналитико-катартическая терапия / А. А. Александров. — Текст : непосредственный // Вестник психотерапии. — Санкт-Петербург, 2011. — № 40 (45). — С. 9–22.
3. Альперович, В. Д. Кризис аутентичности: социально-психологический аспект / В. Д. Альперович. — Текст : непосредственный // Северо-Кавказский психологический вестник. — 2008. — Т. 6, № 1. — С. 33–40.
4. Библер, В. С. Самостояние человека. Предметная деятельность в концепции Маркса и самодетерминация индивида / В. С. Библер. — Кемерово : «АЛЕФ» Гуманитарный Центр, 1993. — 96 с. — Текст : непосредственный.
5. Гололобов, И. Панк в России: краткая история эволюции / И. Гололобов, И. Стейнхольт, Х. Пилкингтон. — Текст : непосредственный // Логос. — 2016. — Т. 26, № 4(113). — С. 27–62.
6. Дериси, О. Н. Человеческая подлинность / О. Н. Дериси. — Текст : непосредственный // Идентичность : хрестоматия. — Москва : Изд-во Московского психолого-социального института, 2008. — С. 20–24.
7. Добрина, О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции культурной травмы П. Штомпки / О. А. Добрина. — Текст : непосредственный // Системная психология и социология. — 2019. — № 3 (31). — С. 105–116. — DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.10.
8. Доманский, Ю. В. Формульная поэтика Егора Летова : моногр. / Ю. В. Доманский. — Москва ; Калуга ; Венеция : Bull Terrier Records, 2018. — 160 с. — Текст : непосредственный.
9. Жогов, С. С. Концептуализм в русском роке («Гражданская Оборона» Егора Летова и Московская концептуальная школа) / С. С. Жогов. — Текст : непосредственный // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — 2001. — № 5. — С. 190–201.
10. Клевовская, В. А. Поэтический язык как способ бытия человека: практика аутентичности : специальность 5.7.1 «Онтология и теория познания» : дис. ... канд. филос. наук / Клевовская Василиса Александровна ; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. — Челябинск, 2023. — 196 с. — Библиогр.: с. 175–196. — Текст : непосредственный.
11. Клюкина, Л. А. Концепции автокоммуникации в гуманитарном знании XX века: сравнительный анализ / Л. А. Клюкина. — Текст : непосредственный // Человек. Культура. Образование. — 2020. — № 4 (38). — С. 11–28. — DOI 10.34130/2233-1277-2020-4-11.
12. Колесник, М. В. Юродство сибирского панка: масштабирование локального / М. В. Колесник. — Текст : непосредственный // Визуальные образы современной культуры. Изучая локальность: фундаментальные схемы и исследовательские практики. — 2018. — С. 87–89.
13. Корчинский, А. В. Диалектика военного мифа. Егор Летов и (пост) советская политика памяти / А. В. Корчинский. — Текст : непосредственный // Диалог со временем. — 2016. — № 54. — С. 251–265.
14. Лёгин, Н. Ю. Мифопоэтический контекст поэзии Егора Летова / Н. Ю. Лёгин. — Текст : непосредственный // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — 2011. — № 12. — С. 195–203.
15. Литвина, Д. А. Что значит быть настоящим: молодежные культуры в поисках аутентичности / Д. А. Литвина. — Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019. — № 1 (149). — С. 324–341.
16. Рымарь, Т. Н. Проблема аутентичности художественного высказывания в ситуации кризиса языка в XX в. / Т. Н. Рымарь. — Текст : непосредственный // Самара : Самарский гос. ун-т, кафедра русской и зарубежной литературы, 2013.
17. Станкович, З. Г. Рефлексия собственной жизни и смерти в текстах произведений Егора Летова / З. Г. Станкович. — Текст : непосредственный // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — 2019. — № 19. — С. 182–187.

18. Темиршина, О. Р. Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова / О. Р. Темиршина. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 80. — С. 269–290. — doi: 10.17223/19986645/80/13

19. Фокеева, М. П. Аналитика травмы в эстетическом дискурсе / М. П. Фокеева. — Текст : непосредственный // Культура и искусство. — 2020. — № 3. — С. 13–22.

20. Черняков, А. Н. «Снаружи всех измерений»: имперсональная топика Егора Летова / А. Н. Черняков, Т. В. Цвигун. — Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2017. — № 4. — С. 63–70.

21. Шадрихина, И. А. Поэзия Егора Летова. Футуризм и архаика / И. А. Шадрихина. — Текст : непосредственный // Acta Eruditorum. — 2014. — № 17. — С. 50–53.

22. Шерстнёва, Е. С. Кто сказал «Хой»? (специфика леговского интертекста) / Е. С. Шерстнёва. — Текст : непосредственный // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — 2014. — № 15. — С. 260–270.

23. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе. Статья вторая / П. Штомпка. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2001. — № 2. — С. 3–12.

MATERIALS

1. Letov, E. (1995). Egor Letov: «Na Zapade zhivyh uzhe ne ostalos'...». *Pravda*, 04.19 (Iss 72).

2. Letov, E. (1991). Egor Letov: 200 let odinochestva. *Kontr Kul't Ur'a*, Iss. 3, 7–13.

3. Letov, E. (2001b). Egor Letov: Rok — eto delo proigravshee. *NASH*, Iss. 1–2.

4. Letov, E. (1995). Egor Letov: Russkij Proryv. *Sovetskaya Rossiya*, 7.12. (Iss. 145).

5. Letov, E. (2004). Zhizn' Kak CHudo. *Afisha*, 3.10 (Iss. 17 (37)), 34–40

6. Letov, E. (2009). *Avtografy. Chernovye i belovye rukopisi* [Autographs. Draft and white manuscripts]. Novosibirsk: Kul'turnoe nasledie, 192 p.

7. Letov, E. (2001a). Egor Letov: Priyatnogo Appetita! [Egor Letov: Bon Appetit!]. *Egor Letov. YA ne veryu v anarhiyu* (Iss. 3, pp. 75–87). Moscow: Skit Interneshnl.

8. Letov, E. (2018). *Stihi* [Poems]. Moscow: Vyrgorod, 548 p.

REFERENCES

1. Aleksander, D. (2013). *Smysly social'noj zhizni: Kul'tur-sociologiya* [Meaning of social life: culturosociology]. Moscow: Izd. i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 640 p. (In Russ.)

2. Aleksandrov, A.A. (2011). Analitiko-katarticheskaya terapiya [Analytical and cathartic therapy]. *Vestnik psihoterapii*, 40(45), 9–22. (In Russ.)

3. Al'perovich, V.D. (2008). Krizis autentichnosti: social'no-psihologicheskij aspekt [Crisis of authenticity: socio-psychological aspect]. *Severo-kavkazskij psihologicheskij vestnik*, 6(1), 33–40. (In Russ.)

4. Bibler, V.S. (1993). *Samostoyanie cheloveka. Predmetnaya deyatelnost' v koncepcii Marksa i samodeterminaciya individua* [Self-determination of the individual. Object activity in Marx's concept and self-determination of an individual]. Kemerovo: «ALEF» Gumanitarnyj Centr, 96 p. (In Russ.)

5. Gololobov, I. (2016). Pank v Rossii: kratkaya istoriya evolyucii [Punk in Russia: a short history]. *Logos*, 26 (Iss. 4(113)), 27–62. (In Russ.)

6. Derisi, O.N. (2008). Chelovecheskaya podlinnost' [Human Authenticity]. In *Identichnost': Hrestomatiya* (pp. 20–24). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta. (In Russ.)

7. Dobrina, O.A. (2019). Social'nye riski sovremennosti i ugrozy identichnosti: sistemnyj analiz koncepcii kul'turnoj travmy P. Shtompki [Social risks of modernity and the threats to identity: systematic analysis of p. Sztompka's concept of cultural trauma]. *Sistemnaya psihologiya i sociologiya*, 3(31), 105–116. DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.10. (In Russ.)

8. Domanskij, Yu.V. (2018). *Formul'naya poetika Egora Letova* [Egor Letov's formula-based poetics] [a monograph]. Moscow; Kaluga; Veneciya: Bull Terrier Records, 160 p. (In Russ.)

9. Zhogov, S.S. (2001). Konceptualizm v russkom roke («Grazhdanskaya Oborona» Egora Letova i Moskovskaya konceptual'naya shkola) [Conceptualism in Russian Rock (Egor Letov's Grazhdanskaya Oborona and Moscow Conceptual School)]. In *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* (Iss. 5, pp. 190–201). (In Russ.)

10. Klenovskaya, V.A. (2023). Poeticheskij yazyk kak sposob bytiya cheloveka: praktika autentichnosti [Poetic language as a way of being human: the practice of authenticity] [Dis. of Cand. of Philosophy]. Chelyabinsk, 196 p. (In Russ.)

11. Klyukina, L.A. (2020). Konceptii avtokommunikacii v gumanitarnom znanii XX veka: sravnitel'nyj analiz [The concepts of autocommunication in humanities knowledge of the 20th century: comparative analysis]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 4(38), 11–28. DOI 10.34130/2233-1277-2020-4-11. (In Russ.)

12. Kolesnik, M.V. (2018). Yurodstvo sibirskogo panka: masshtabirovanie lokal'nogo [The foolishness of the siberian punk: scaling the local]. In *Vizual'nye obrazy sovremennoj kul'tury. Izuchaya lokal'nost': fundamental'nye skhemy i issledovatel'skie praktiki* (pp. 87–89). (In Russ.)

13. Korchinskij, A.V. (2016). Dialektika voennogo mifa. Egor Letov i (post) sovetskaya politika pamyati [Dialectics of a war myth: Yegor Letov and (post)Soviet politics of memory]. *Dialog so vremenem*, 54, 251–265. (In Russ.)

14. Lyotin, N.Yu. (2011). Mifopoeticheskij kontekst poezii Egora Letova [Mythopoetic context of Yegor Letov's poetry]. In *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* (Iss. 12, pp. 195–203). (In Russ.)

15. Litvina, D.A. (2019). Chto znachit byt' nastoyashchim: molodezhnye kul'tury v poiskah autentichnosti [What it means to be "true": youth cultures in search of authenticity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 1(149), 324–341. (In Russ.)

16. Rymar', T.N. (2013). *Problema autentichnosti hudozhestvennogo vyskazyvaniya v situacii krizisa yazyka v XX v.* [The problem of authenticity of artistic utterance in the situation of language crisis in the twentieth century]. Samara: Samarskij gos. un-t, kafedra russkoj i zarubezhnoj literatury. (In Russ.)

17. Stankovich, Z.G. (2019). Refleksiya sobstvennoj zhizni i smerti v tekstah proizvedenij Egora Letova [Reflection of own life and death in the works of Yegor Letov]. In *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* (Iss. 19, pp. 182–187). (In Russ.)

18. Temirshina, O.R. (2022). Grammatika poeta. Struktury vnutrennej rechi v lirike Egora Letova [Poet's grammar. Structures of inner speech in Egor Letov's lyrics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 80, 269–290. doi: 10.17223/19986645/80/13. (In Russ.)

19. Fokeyeva, M.P. (2020). Analitika travmy v esteticheskom diskurse [Analitics of trauma in aesthetic discourse]. *Kul'tura i iskusstvo*, 3, 13–22. (In Russ.)

20. Chernyakov, A.N. (2017). «Snaruzhi vsekh izmerenij»: impersonal'naya topika Egora Letova [Outside of all dimension: the motive complex of impersonality in Yegor Letov's poetics]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya*, 4, 63–70. (In Russ.)

21. Shadrihina, I.A. (2014). Poeziya Egora Letova. Futurizm i arhaika [Poetry of Yegor Letov. Futurism and archaic]. *Acta Eruditorum*, 17, 50–53. (In Russ.)

22. Sherstnyova, E.S. (2014). Kto skazal «Hoy»? (specifika letovskogo interteksta) [Who said 'Hoy'? (specificity of Letov's intertext)]. In *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* (Iss. 15, pp. 260–270). (In Russ.)

23. Shtompka, P. (2001). Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve. Stat'ya vtoraya. [Cultural trauma in a post-communist society]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2, 3–12. (In Russ.)